

Интересен разбор статьи «О родовой общности в Скольских горах», в которой исследуется проблема внутрисемейных отношений и отмечается существование перекрестков семейной общины в бойковских семьях. В статье «Женская доля в Скольских горах» В. Ю. Охримович говорил о положении женщины в бойковской семье. В двух названных выше работах не только освещаются этнографические проблемы, но и содержится интересный фольклорный материал.

Большое внимание уделяет В. А. Маланчук исследованию В. Ю. Охримовича «Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи», которое связано с усвоением и творческой разработкой прогрессивного учения о первобытном обществе¹. Как показано в рецензируемой книге, именно труд Моргана натолкнул В. Ю. Охримовича на изучение и глубокий анализ в историческом аспекте быта украинского народа. Одним из первых в этнографической науке он пытался решить вопрос о формировании семьи на Украине, об ее эволюции. При этом семья рассматривалась как активное и постоянно развивающееся начало.

Следует отметить, что, рассматривая работы В. Ю. Охримовича, В. А. Маланчук оригинально анализирует разнообразный этнографический и фольклорный материал. Она приводит интересные факты из истории украинских свадебных обрядов. Известно, что украинский свадебный обряд был предметом пристального внимания Ивана Франко. Думается, что в данном случае его исследования можно было привлечь более широко. Очень интересна, например, небольшая вступительная статья И. Франко к сборнику свадебных песен из с. Лолин.

Одно из ярких исследований В. Ю. Охримовича — большая статья об изучении народных юридических взглядов и обычаев, построенная на обширном этнографическом, фольклорном и лингвистическом материале. В. А. Маланчук сосредоточивает внимание на основных выводах этой работы, выделяя те ее положения, которые не утратили своего значения в настоящее время. Немало поучительного и в методике, применявшейся в этом исследовании. Ученый осуществлял комплексное изучение материала, увязывая анализ конкретных фактов с большими общетеоретическими задачами.

В. А. Маланчук подчеркивает, что В. Ю. Охримович пришел к ряду важных выводов на основе собственных полезных исследований. В этом отношении характерна его статья «Впечатления из Венгерской Руси», содержащая интересные сведения о жизни и материальной культуре закарпатских украинцев. В ней В. Ю. Охримович отмечал политическое и национальное бесправие закарпатских украинцев.

Как верно пишет В. А. Маланчук, статья пронизана глубоким пессимизмом. Не видя сил, способных пробудить народ Закарпатья, В. Ю. Охримович осуждает закарпатскую интеллигенцию за ее инертность. Следует заметить, что в свое время М. П. Драгоманов упрекал В. Ю. Охримовича за пессимизм, который, по его мнению, мешал развертыванию активной практической деятельности и борьбы.

В. А. Маланчук подробно говорит и о политической позиции В. Ю. Охримовича, о его политической эволюции. Наиболее ценные его работы созданы в тот период, когда ученый находился под влиянием революционно-демократической мысли. Но постепенно в его взглядах начали проступать буржуазно-националистические тенденции. В конце концов он стал руководителем буржуазно-националистической партии. Политическая метаморфоза, как показывает В. А. Маланчук, отразилась на его научных занятиях. Проблемы быта украинского народа стали занимать его все меньше и меньше.

В. Ю. Охримович вновь обратился к этнографии тогда, когда ему пришлось провести полтора года в Восточной Сибири. В его работах этого периода отражены ценные наблюдения над жизнью и бытом эвенков. В них затронут целый комплекс вопросов: географические условия и экономика, материальная и духовная культура.

В книге В. А. Маланчук последовательно и методично осуществлен анализ научного наследия В. Ю. Охримовича. Она содержит в себе мысли и факты, представляющие интерес и для этнографов, и для фольклористов, и для лингвистов. Мы можем с удовлетворением констатировать появление еще одного важного и ценного исследования по истории развития этнографической науки на Украине.

М. Я. Гольберг

¹ См. В. Е. Гусев, Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX века, М.—Л., 1961, стр. 58—60.

Русские народные песни Карельского Поморья. Составители: А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. (Ред. Н. П. Колпакова, муз. ред. Ю. М. Зарицкий). Л., 1971, 452 стр.

Европейский север нашей страны постепенно открывает удивительное богатство своего песенно-поэтического фольклора. В прошлом столетии здесь были открыты ценнейшие «залежи» былинного эпоса, надолго заслонившие собой песенные жанры. В 20-х г. нашего столетия началось активное восполнение этого пробела. В настоящее время песенный фольклор русского населения Печоры, Мезени, Пинеги и Подвинья Архангельской области если еще не изучен в достаточной мере, то, во всяком случае,

в основном собран и опубликован. Дошел, наконец, черед и до поморов Белого моря. Фольклористы Петрозаводского института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР уже довольно давно ведут планомерный и систематический сбор фольклорных материалов на побережье. Одна за другой стали появляться публикации, подготовленные сотрудниками института: сб. С. Н. Кондратьевой «Русские народные песни Поморья» (М., 1966), «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря» Д. М. Балашова и Ю. Е. Красовской (Л., 1969), «Сказки Терского берега Белого моря» Д. М. Балашова (Л., 1970). В 1971 г. вышел в свет рецензируемый сборник русских песен северной части Поморья. Готовятся к изданию сборник песен Терского берега и монография, посвященная поморской свадьбе. Перечисленные издания являются значительным вкладом в отечественную фольклористику, так как взаимно дополняя друг друга они дают материал, достаточный для всестороннего исследования народно-песенной культуры поморов западного побережья Белого моря.

Рецензируемый сборник включает 219 песен, записанных в 10 населенных пунктах северной части Карельского Поморья — от дер. Черная Река на севере до села Шуерецкое на юге. Город Беломорск и побережье на юг от него представлены в сб. С. Н. Кондратьевой. Таким образом, поморский берег, входящий в Карельскую АССР, охвачен этими двумя сборниками полностью.

Существенное достоинство рецензируемой книги состоит в том, что в ней опубликованы фольклорные тексты, записанные на большой территории, сплошь населенной поморами, которые в свое время оторвались от основной массы русского населения и в исключительных географических и производственно-бытовых условиях превратились в особую группу. Естественно, что и фольклор их обладает своеобразными чертами.

Среди песен, опубликованных в сборнике, встречаются широко известные общерусские песни, такие как «Горы Воробьевские» (№ 7), «Экой Ваня» (№ 20), хороводная «Вдоль по морю» (№ 138) и др. Авторам посчастливилось записать редкую по красоте музыкально-поэтического образа и столь же редко встречающуюся в сборниках песню «Вы-то скажите, мыслыцы мои» (№ 36).

Значительное место занимают в сборнике песни, записывавшиеся только на берегах Белого моря, или вообще нигде, кроме Поморья не зафиксированные (напр., «Кто-то бы сбежал, распроедал» — № 22, «Налетали, наезжали ясные соколы» — № 157, «Красна девица сидела под окном» — № 120, близкая к стихотворению архангельского поэта-крестьянина первой половины XIX в. М. Ф. Суханова и др.). Тексты многих песен насыщены местным колоритом (картины природы, географические названия, образы, связанные с морем и морскими промыслами и т. п.). Одна из песен сборника «Шел-то Иванушка да долиной» (№ 5) — любопытный пример песни-пасторали XVIII в., распетой в сильной и яркой местной традиции старых лирических протяжных песен. Довольно часто встречается контаминация текстов различных песен. Наиболее интересна в этом отношении контаминация широко распространенной лирической протяжной песни «Снежики белые пушисты» и популярной городской песни «Не брани меня, родная» с одновременным жанровым переосмыслением напева: весь текст исполняется на один из местных популярных «утушных» напевов (№ 144) ¹.

Сборник показывает своеобразие и красоту напевов, особенно лирических и свадебных песен северной части обследованной территории. Богатейшее и развитое многоголосие, судя по опубликованным записям, является основной формой исполнения песен в местной песенной традиции.

Песни группируются в сборнике, на наш взгляд, весьма удачно и целесообразно. Первая, большая часть — традиционные крестьянские песни, распределенные по жанровым признакам: лирические протяжные, частые, игровые, свадебные и колыбельные. Внутри каждого жанра песни расположены по территориальному признаку — каждый раз с севера на юг. Это позволяет выявить существование и взаимодействие «диалектов» стиля каждого песенного жанра в отдельности, что кажется нам более существенным, чем изучение всей совокупности жанров в рамках только одного населенного пункта. Стилистическая однородность внутри одного жанра на соседних территориях или, как в нашем случае, на одном побережье — явление более реальное и значительное, чем стиль всего репертуара одного села. Знакомство со сборником позволяет сразу же высказать некоторые соображения по этому вопросу. В северной части побережья — деревнях Черная Река, Гридино, Калгалакша и Поньгома несомненно существует единый мелодический стиль лирических песен. Наиболее ярко он представлен записями из Гридино, где можно говорить даже об одном типовом напеве для целой группы лирических песен (см. напр., №№ 23, 24, 33, 36 и др.). По направлению к югу этот стиль выражен менее определенно; в напевы вклиниваются интонации городских песен и «жестких» романсов. Особенно чувствуется эта пестрота в записях из села Шуерецкое, расположенного между Кемью и Беломорском.

Все песни, в текстах которых предполагается наличие игрового действия, или песни, помещавшиеся в сборниках XVIII—XIX вв. в разделы игровых песен, выделены

¹ Аналогичное явление нам довелось наблюдать летом 1971 г. в дер. Зимняя Золотица Архангельской обл.: тексты лирических рекрутских песен исполняются там на напевы «бесёдных» песен, под которые тоже «ходили утушкой» (в рецензируемом сб. см. №№ 16 и 47).

авторами рецензируемой книги в самостоятельный раздел. Между тем, таких песен записано очень немного, и свидетельства местных жителей и полевые наблюдения позволяют отнести к этому жанру только песни из дер. Черная Река. Добавим, что и музыкально-стилевая определенность напевов есть только в Черной Реке. Остальные населенные пункты представлены в сборнике только одной-двумя песнями, да и те называются исполнителями то «полевыми» (игровыми); то «утушными». Во вступительной статье авторы отменяют традицию отнесения игровых песен к «утушным» в тех случаях, когда собственно «игра», сопровождавшая данную песню, постепенно забывалась (стр. 17—18). Игровая традиция сейчас, по-видимому, в целом уже утеряна, поэтому и жанровое определение потеряло видимую основу для самих исполнителей. Фольклористу же для этой цели необходим тщательный стилистический анализ.

Все остальные песни, связанные с различными видами народной хореографии, в том числе и с пляской, помещены в раздел «частых». Местные жители обычно называют их «утушными». Однако в разных деревнях они сопровождают то собственно «утушку» и «одеянку» — медленные хороводы, то более подвижные «тройку» и «шестерку» (все четыре вида, по определению авторов — «орнаментальная ходьба»), то кадрили. В каждой деревне определенные песни по традиции закреплялись за конкретными плясками. Вместе с тем, иногда даже в одной деревне разные исполнители связывают одни и те же песни с разными плясками. Поэтому распределение песен внутри этого раздела по географическому принципу наиболее оправдано. С музыкальной точки зрения напевы плясовых песен более целесообразно разделить на две большие группы с учетом наиболее существенных их признаков — темпа и метро-ритмической структуры: «утушные» («утушка» и «одеянка») — с устойчивым переменным метром и «плясовые» («тройка», «шестерка» и кадрили) — с устойчивым двухдольным метром. Второй тип песен распространен в Поморье повсеместно, первый — по всему побережью, кроме Кеми и Выгострова. Кемь по материалам сборника вообще заметно выделяется среди поморских поселений. В напевах свадебных песен, например, Кемь по отношению к своим северным соседям оказывается границей другого «музыкального диалекта», охватывающего Беломорск, Сухое, Вирму. О месте Кеми в территориальной «развертке» стиля лирических песен сейчас сказать ничего нельзя, поскольку составители не включили в сборник ни одной лирической песни, записанной от местных жителей. Это, на наш взгляд, существенный промах авторов.

Следующий раздел сборника образуют пять святочных величаний. Первое — колядка, записанная только один раз, в пос. Чупа. Четыре других — широко распространенные на русском севере «виноградия», связанные, по свидетельству исполнителей, со свадебным обрядом, а не святочным величанием (как, например, на Печоре). Однако первые три «виноградия» («девье») составители почему-то выделили в самостоятельный раздел святочных величаний, а четвертое («холостое» мужское) отнесли к свадебным величаниям². Ни содержанием текста, ни исконным бытованием, ни позднейшей приуроченностью к свадебному обряду подобное разделение не может быть оправдано. Но сам по себе факт перенесения поморами песен из одного обряда в другой чрезвычайно интересен. Добавим, что и в южной части Поморья когда-то произошло то же самое (см. сб. С. Н. Кондратьевой).

Несколько спорным представляется нам раздел свадебных песен. Здесь мало говорить о «музыкальных диалектах», охватывающих какую-либо значительную территорию. Чаще всего и обряд, и песни образуют в каждом селе или деревне свой «микродialekt». Фольклористы уже не раз говорили об этом, но вопрос этот, ввиду недостатка полевых записей, пока еще не изучен. Для того, чтобы получить полное представление о месте песен в свадебном обряде, необходимо записать все песни обряда и дать точные этнографические сведения по каждой песне (место, время исполнения, кому посвящена, кто и как пел). Этим требованиям раздел свадебных песен, к сожалению, не отвечает.

Во второй части сборника помещены повествовательные жанры: былины, былины-баллады и исторические песни. Составители опубликовали полностью все записи эпоса, которые им удалось сделать в 1963—1965 гг. (31 запись). Во вступительной статье отмечаются признаки упадка эпической традиции: краткость текстов, обилие прозаических (сказочных и бытовых) вставок и полные прозаические пересказы, путаница имен и сюжетов и т. д. Напевы сохранились лучше, но некоторые из них деформированы в композиционном и ладовом отношении и выпадают из местного стиля.

Материалы сборника еще раз подтверждают предположение исследователей о том, что в северном Карельском Поморье существовала своя эпическая традиция, которая поддерживалась и передавалась из поколения в поколение. Можно предположить, что северное Поморье было частью более широкой области бытования эпоса, которая тянулась от северного побережья Онежского озера по Выговскому пути к берегам Белого моря и по его западному побережью до Терского берега включительно. Конечно, требуется тщательная проверка этой гипотезы, но даже очевидные и общеизвестные признаки, отличающие традицию очерченной области от северо-восточной (общее всем повествовательным жанрам название «стихи», количественное соотношение

² О текстовом и бытовом различии «девье», мужского «холостого» и «женатого» виноградий см. сб.: Песни Печоры. М.—Л., 1963, стр. 15.

ние сюжетов, особый двустрочный тип напевов), говорят в пользу такого предположения³. Опубликованные в сборнике записи — это, по-видимому последние «отсветы» когда-то быть может сильной и яркой эпической традиции, мимо которой собиратели прошли. Естественно, записи рецензируемого издания приобретают в связи с этим еще большую ценность.

Большое достоинство сборника — содержащиеся в комментариях сведения о степени распространенности той или иной песни среди местного населения и о возрастных группах, знающих данную песню. К сожалению, комментарии составлены только филологами, без участия музыковеда-фольклориста. Некоторые из них выполнены без должной тщательности: не ясно, например, кто из исполнителей определяет жанр песни (№ 15, 90, 168 и др.); не указаны места записи вариантов данной песни (№№ 14, 25, 26, 39, 42 и др.); в разных комментариях не совпадает возраст одних и тех же исполнителей (напр., сестер Поповых из г. Кемь) и т. д.

К недостаткам сборника следует отнести также и то, что запись текстов не всегда отражает композицию музыкально-поэтической строфы.

Несколько замечаний по поводу нотировок. Достоинство сборника — значительный объем большей части нотировок. Хочется особо отметить кропотливый труд Т. А. Коски, нотировавшей магнитофонные записи. Музыканты могут оценить, какая это трудоемкая работа — более 230 страниц подчас сложнейших многоголосных нотировок! Однако, в нотных записях есть и один крупный недостаток. В большей части напевов плясовых, игровых и свадебных песен, т. е. там, где метр чрезвычайно важен, нет единого принципа тактировки. Чаще всего метр определяется по стиховым строкам или фразам, простым подсчетом звучащих длительностей. Ни то ни другое не фиксирует внутренней ритмической пульсации напева, а либо отмечает наше профессиональное слышание музыкальных фраз, либо представляет собой проекцию структуры стиха на напев, не затрагивая метроритмического смысла самого напева.

Отмеченные недостатки не умаляют достоинств сборника, который является в высшей степени интересной и нужной публикацией, продолжающей и дополняющей ряд подобных изданий как по всему европейскому северу («Песни Пинежья», «Песни Печоры», «Песенный фольклор Мезени» и др.), так и по песенному фольклору более локальной территории Беломорского побережья.

В. А. Лапин

³ Жаль, что в сборнике никак не отражены широко бытующие на данной территории духовные стихи. А именно они могут оказаться ключом к пониманию особенностей местной эпической традиции. В связи с этим возникает и еще одна проблема — о возможном влиянии и некотором централизующем значении Выговской пустыни, где наверняка широко бытовали и развивались лирические старообрядческие духовные стихи.

3. Можейко. Песенная культура Белорусского Полесья. Село Тонеж. Минск, 1971, 263 стр. с илл. и нот. прилож.

Среди многих музыковедческих дисциплин ближе всего к этнографии стоит музыкальная фольклористика. Не случайно ее называют также музыкальной этнографией или этномузыкологией. В процессе своего развития она выработала автономные принципы исследования, сближившись с общим музыкознанием. Однако предмет ее изучения — народное музыкальное искусство, составляющее неотъемлемую часть народного быта, в наибольшей степени требует осмысления общественной функции музыки в жизни человека в комплексе с другими явлениями духовной культуры. Это особенно актуально в связи с повышенным интересом современной науки к социальной психологии и коммуникативной роли искусства.

Еще в прошлом веке исследователи пытались проследить функционирование народной музыки в быту, при разных жизненных обстоятельствах. Современная фольклористика на новой научной основе успешно продолжает изучение этой проблемы. К работам такого плана следует отнести и монографию З. Можейко.

Объектом исследования автор избрал село Тонеж на Туровщине, выделяющееся среди других сел Полесья своей богатой фольклорной традицией и ее активным развитием в настоящее время. В годы Великой Отечественной войны, находясь в центре партизанского движения, Тонеж разделил трагическую участь белорусской Хатыни. Память об этих событиях запечатлена в партизанском фольклоре.

З. Можейко творчески продолжила начатые еще в 1930-х годах фольклорные исследования таких известных ученых, как З. Эвальд и Е. Гиппиус, участвовавших в полесской музыкально-фольклорной экспедиции Института антропологии и этнографии АН СССР, К. Мошинского и Ф. Колессы, подготовивших интересные, обстоятельно прокомментированный сборник полесских песен, которые были записаны в окрестностях Столина, Давыгорода и Лунища. Его изданию помешала война¹. Рецензируемая работа, построенная на большом, скрупулезно расшифрованном материале, соб-

¹ Фрагмент из этой работы опубликован: Ф. Колесса, Музикознавчі праці, Київ, 1970.